

ЕВРИПИД

ВАКХАНКИ¹

Перевёл с древнегреческого Вланес

ДИОНИС²

Сын Зевса, Дионис, пришёл я в эти Фивы.³
Мне матерью была дочь Кадмова,⁴ Семела,⁵
ей чрево отворил огонь молниеносный.
Обличье божества сменив на смертный образ,
я к Дирке⁶ подошёл и бурному Исмену.⁷ 5
Здесь мать моя лежит, от молнии погибнув,
а вот и дом её, в руины обращённый,
от Зевсова огня он всё ещё дымится,
на мать мою вовек не гаснет ярость Геры.
А Кадма я хвалю за то, что он гробницу 10
и землю освятил. Я всё кругом украсил
обилем сочных лоз и полновесных гроздьев.
От золота полей ливийцев и фригийцев,
от выжженной земли, принадлежащей персам,
и от бактрийских стен, и от мидийцев грозных 15
шагал я по садам Аравии цветущей,
всю Азию прошёл до самой бездны моря,
шумящей у земли, где варвары и греки
смешались в городах, под сенью дивных башен.
Там пляски начал я, установил обряды, 20

¹ «Вакханки» – одно из последних произведений Еврипида. Трагедия была впервые поставлена уже после смерти поэта, в 405 году до н.э. в Афинах. Перевод выполнен с древнегреческого языка по изданию Диггла: Euripidis Fabulae. Edidit J. Diggle. Tomus III. Oxford Classical Texts. Oxford: Clarendon Press, 1994. 287-356. При переводе были использованы комментарии Сифорда (Euripides. Bacchae, with an Introduction, Translation and Commentary by Richard Seaford. Aris & Phillips: Warminster, England, 1996) и Сэндиса (The Bacchae of Euripides, with Critical and Explanatory Notes, by John Edwin Sandys. Cambridge: Cambridge University Press, 1880). Перевод сверен с подстрочной английской версией Теодора Бакли (Theodore Alois William Buckley) (эл. текст: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0092%3Acard%3D1>).

За основу перевода хоровых партий взяты метрические схемы Сэндиса.

² В слове «Дионис» допускается ударение как на второй, так и на последний слог. Хотя, учитывая оригинальное греческое произношение, правильнее ставить ударение на второй слог – «Дионис», и в литературе, и в разговорной речи распространено и более привычно ударение на последний слог – «Дионис». В этом переводе принято более распространённое ударение – «Дионис», однако в примечаниях даны варианты строк и с альтернативным ударением.

³ «Дионис, Зевсов сын, пришёл я в эти Фивы.»

⁴ Кадм (Κάδμος) – герой, основатель знаменитого города Фивы в Беотии.

⁵ Семела (Σεμέλη) – дочь Кадма и мать Диониса, которого она зачала от Зевса. Гера, сестра и супруга Зевса, в гневе на соперницу решила погубить Семелу. Приняв обличье кормилицы Семелы, она внушила ей желание убедиться воочию, что её возлюбленный – действительно бог. Семела упростила Зевса явиться ей во всём блеске своего величия, с громом и молниями. Вынужденный клятвой исполнить просьбу Семелы, Зевс предстал перед ней в пламени своих молний. Смертная женщина не выдержала небесного огня и сгорела. Зевс же спас от гибели недоношенный в лоне матери плод, вложив его в своё бедро, и, когда наступило время, произвёл на свет Диониса.

⁶ Дирка (Δίρκη) – речка, приток Исмена.

⁷ Исмен (Ισμήνης) – небольшая река в Беотии, протекающая через Фивы.

а уж потом дошёл до эллинских владений,
 божественность мою доказывая смертным.
 Элладу посетив, сначала я все Фивы
 экстазом поразил, дал женщинам небриды⁸
 и каждой – гибкий тирс,⁹ плющом обвитый плотно. 25
 А тётушки мои¹⁰ – уж эти бы молчали! –
 сказали, что не Зевс родитель Диониса,¹¹
 но некий человек Семелу обесчестил,
 а хитроумный Кадм уже потом придумал,
 что это сделал Зевс, и тот убил Семелу 30
 за ложную хвалу измышленной любовью.
 Я так рассвирепел, что выгнал их из дома
 и разума лишил! Они в горах блуждают,
 одеты для моих неистовых обрядов!
 Потом я из домов прогнал и всех кадмеек, 35
 они теперь сидят одной большой толпою
 с наказанными мной наследницами Кадма,
 без крова, на камнях, в тени зелёных елей!
 Обязан воспринять непосвящённый город,
 хоть и противясь мне, обряды вакханалий, 40
 а также осознать, что мать моя, Семела,
 от Зевса родила доподлинного бога!
 Правитель Кадм решил, уже больной и старый,
 что внук его, Пенфей,¹² возглавит государство.
 Тот борется со мной, а я не получаю 45
 ни благостных молитв, ни винных возлияний.
 Я докажу ему, а также всем фиванцам,
 божественность мою и, потрудясь на славу,
 в другие города немедленно направлюсь,
 являя там себя! Но если люд фиванский 50
 разгневанным копьём вакханок с гор прогонит,
 весь мир я захлестну безумьем этих женщин!
 Для этого я стал обычным человеком
 и отягчил себя природой преходящей.
 Эй, варварки мои, бежавшие из Тмола,¹³ 55
 лидийского гнезда, рокочущей толпою,
 желая мне служить! Эй, верные подруги!
 Берите поскорей фригийские тимпаны,
 которые я сам и мать наша Рея¹⁴
 для вас изобрели! Замкните дом Пенфея 60
 в шумящее кольцо, будите Кадмов город!
 А я пока пойду в ущелья Киферона¹⁵
 и буду танцевать с вакханками моими!

⁸ Небри́да (νεβρίς) – шкура молодого оленя, которую носили вакханки на празднествах Диониса.

⁹ Тирс (θύρσος) – жезл, сделанный из стебля ферулы, увитый плющом и виноградными листьями.

¹⁰ Семела была четвёртой дочерью Кадма, у неё было три сестры.

¹¹ «сказали, что рождён Дионис не от Зевса»

¹² Пенфей (Πενθεύς) – царь города Фивы, сын Агавы (Αγαύη), дочери Кадма.

¹³ Тмол (Τμόλος) – горная цепь в Лидии.

¹⁴ Рея (Ρέα) – титанида, мать олимпийских богов.

¹⁵ Киферон (Κιθαίρων) – горный хребет между Аттикой и Беотией.

ХОР

Я из Азии шагаю,
покидая Тмол священный, 65
чтобы Бромия¹⁶ прославить
увлекательной работой,
выкликая имя Вакха!
Кто в дороге? Кто в дороге?
Кто за дверью? Пусть выходит,
рот сомкнув благоговейно!¹⁷ 70
Как устроено навеки,
Диониса я восславлю!¹⁸

Счастлив тот, кто благолепно
познаёт обряды божьи,
кто живёт безвинной жизнью,
всей душою предаваясь 75
на горах восторгам Вакха,
очищениям сокровенным,
и творит обряд законный
вечной Матери-Кибелы,¹⁹
потрясая гибким тирсом 80
над венками плющевыми,
восхваляя Диониса!²⁰
Эй, вакханки! Эй, вакханки!
Бога Бромия ведите,²¹
сына бога, Диониса, 85
с гор фригийских в град Эллады,
где простор для хороводов!

Бромий матерью несчастной
был исторгнут в ранних муках!
Огневным оружием Зевса 90
был он вызволен из чрева,
мать же вспыхнула, погибла
под ударом громозвучным!
Зевс-Кронид, приняв ребёнка
в той же комнате родильной, 95
застегнул бедро тугое
на булавки золотые,
чтобы сына скрыть от Геры!
Как того хотели Мойры,²²
бог родился волорогий, 100

¹⁶ Бромий (Βρόμιος), т.е. «Шумный» – прозвище Диониса, данное потому, что при его рождении гремел гром.

¹⁷ Непосвящённые должны молчать.

¹⁸ «я Диониса восславлю!»

¹⁹ Кибела (Κυβέλη) – очень древняя богиня, отождествляемая с Реей.

²⁰ «чтобы славен был Дионис!»

²¹ «Пусть Дионис, вечный Бромий,

божий сын и бог, нисходит» и т.д.

²² Мойры (Μοῖραι) – три богини судьбы.

он венки змеиный носит,
оттого менады в косы
диких змей себе вплетают!

Фивы, приют Семелы,
свежим плющом венчайтесь!

105

Полнитесь, прорастайте
зеленоплодным тисом!
Рвите под гимны Вакха
ветви с дубов и елей,
стягивайте небриды
пряжами белой шерсти,
хлесткий кропите нартекс,²³
неукротимый посох,
чтобы земля плясала
и поднимался в гору
Бромий с толпою женщин,
от челноков и кросен
созванных Дионисом!²⁴

110

115

Тайный приют куретов,²⁵
камни благого Крита,
родина бога Зевса!
В этих пещерах обруч,
стянутый плотной кожей,
гордонося три гребня,
выдумали корибанты
и под фригийский танец
Матери-Рее дали,
чтобы пьянить вакханок!
Бешеные сатиры
в дар от богини взяли
звонкий тимпан для плясок,
плещущих раз в три года,
к радости Диониса!²⁶

120

125

130

Как он прекрасен, когда, отделившись
от распалённой толпы посвящённых,
падает навзничь, в заветной небриде,
бешено жаждая крови козлиной,
мяса сырого, и в горы фригийцев,
к долам лидийским душой улетаю,
наш предводитель, наш Бромий великий!

135

140

²³ Нартекс (νάρθηξ) – зонтичное растение с коленчатым и полым стволом. Нартексом именуется и жезл вакхантов, изготовленный из этого растения.

²⁴ «Бромий с толпою женщин –
от челноков и кросен
их отогнал Дионис!»

²⁵ Куреты (Κοῦρῆτες) – жрецы богини Реи.

²⁶ «чтоб ликовал Дионис!»

Эво́э!²⁷

Ныне земля молоком истекает,
брызжет вином и бурлит нектаром!
Вакх, поднимая багряное пламя,
факел сосновый, который дымится 145
так же душисто, как ладан сирийский,
мечется с нартексом и возбуждает
бегом своим и раскованным танцем
всех, кто ему попадётся навстречу,
криком истошным взрывая им сердце,
пышные локоны в небе купая! 150
Глушит он голосом рёв славословий:
«Быстро, вакханки!
Быстро, вакханки,
роскошь текущего золотом Тмола!
Пойте скорее хвалу Дионису²⁸ 155
под рокотание тяжких тимпанов!
Пусть «эво́э» для эвийского бога
грянет над стоном и криком фригийцев!
Лотос чудесно поющий, священный 160
пусть выдувает священные гулы,
на́ гору, на́ гору вас подгоняя!»
И, как жеребчик под боком у матки, 165
скачет, резвится хмельная вакханка!

ТИРЕСИЙ²⁹

Эй, кто там у ворот? Зови скорей мне Кадма! 170
Где друг Агенорид?³⁰ Он свой Сидон покинул
и укрепил стеной фиванский этот город.
Пусть кто-нибудь пойдёт и скажет, что Тиресий
пришёл и ждёт его! Зачем, ему известно!
Я немощный старик, а он ещё дряхлее, 175
но тирсы мы возьмём, оденемся в небриды
и скроем седину венками плющевыми!

КАДМ

Мой драгоценный друг! Я голос твой услышал
и мудреца узнал по мудрым восклицаньям!
Охотно я спешу, в божественном наряде! 180
Пускай же Дионис прославится навеки,³¹
сын дочери моей, сошедший к нам на землю!
Послужим божеству, насколько в наших силах!
Где нужно танцевать? Куда поставить ногу?
Как сединой трясти? Скажи, старик Тиресий, 185
другому старику! Я знаю, ты ведь мудрый!
Я буду день и ночь стучать о землю тирсом

²⁷ Эво́э (εὐοῖ) – традиционный возглас ликования во время дионисийских мистерий.

²⁸ «Гимны Дионису пойте скорее»

²⁹ Тиресий (Τειρεσίας) – слепой прорицатель в Фивах.

³⁰ Агенор (Ἀγηνόρ) – царь Тира (Τύρος) и Сидона (Σιδών), финикийских городов.

³¹ «Пускай Дионис наш прославится навеки».

	и не утрачу сил! Мы радостно забудем о прожитых годах! Тир. Я тоже так считаю!	
	Я снова молодой, по пляскам тело ноет!	190
Кадм	А мы поедем, друг, на колеснице в гору?	
Тир.	Нельзя! Так новый бог получит меньше чести!	
Кадм	Ну что ж! Один старик потащит вверх другого!	
Тир.	Сам бог нас поведёт, свободно, без усилий!	
Кадм	Из горожан лишь мы попляшем ради Вакха?	195
Тир.	Лишь мы в своём уме, все прочие безумны!	
Кадм	Тогда чего мы ждём? Протягивай мне руку!	
Тир.	Сплети, соедини дрожащие ладони!	
Кадм	Я, смертный человек, богов не презираю! ³²	
Тир.	Я тоже не мудрю над божьими делами!	200
	Обычаи отцов, ровесники столетий, в наследье нам даны. Их не достичь ни слову, ни острию ума, хоть самого живого!	
Кадм	Наверно, скажут мне, что я старик бесстыжий, с плющом на голове пускающийся в танец?	205
Тир.	А богу всё равно, кто молодой, кто старый!	
	Он всех кидает в пляс, он в каждом сердце дышит и ждёт от всех людей, от всех без исключения, обрядов и молитв, чтоб возрастать во славе!	
Кадм	Поскольку этот свет не видишь ты, Тиресий, приходится и мне провидцем поработать. Подходит ко дворцу Пенфей, сын Эхиона, ³³ которого я здесь правителем поставил! Как он разгорячён! Что нового расскажет?	210
ПЕНФЕЙ		
	Я в ближнем царстве был, и вдруг мне сообщают, что небывалым злом охвачен этот город, что матери семей сбегают прочь из дома и скачут по горам, играя роль вакханок в густой тени лесов, и бога Диониса, какого-то лжеца, безумной пляской славят! ³⁴	215
	Они сидят рядком, и льют вино в кратёры, и в тёмные кусты по очереди ходят, чтоб услаждать мужчин. Мол, это жертва богу! Извольте понимать! Они теперь менады!	
	Но там, увы, не Вакх, а только Афродита!	225
	Кого поймать я смог, тем преданные слуги надели кандалы и заперли в темнице, а тех, кого здесь нет, я на горах настигну — Ино́, ³⁵ Агаву-мать, ³⁶ супругу Эхиона, ³⁷	

³² Эта строка и четыре следующих (до слова «живого») считаются подложными.

³³ Эхи́он (Εχίων) — герой, один из аргонавтов.

³⁴ «в густой тени лесов, и дикой пляской славят
какого-то лжеца по имени Диόнис.»

³⁵ Ино́ (Ἰνώ) — дочь Кадма.

³⁶ Ага́ва (Ἀγούη) — дочь Кадма.

	и Актеона мать ³⁸ (сестру их, Автоною)! ³⁹	230
	Их крепко обвязав железными цепями, я мигом прекращу поганое распутство! Явился, говорят, какой-то чужеземец, развратник и колдун, из области лидийской, светловолосый маг с душистыми кудрями, лицо горит вином, красив как Афродита.	235
	Он девушек зовёт, и бродит с ними вместе, и учит их своим вакхическим обрядам, но если я его поймаю в этом царстве, он тирсом не взмахнёт и не потряхнёт кудрями –	240
	я голову ему без лишних слов отрежу! Себя он объявил бессмертным Дионисом, ⁴⁰ который был в бедре Зевесовом застёгнут – но тот и сам сгорел, и мать его сгорела за то, что соврала о связи с нею Зевса!	245
	Кто станет возражать, что за такую наглость, кем ни был бы чужак, он заслужил удавку? Но вижу я теперь совсем другое чудо! Тиресий предо мной, в пестреющей небриде, а дед мой, старый сыч, сорвал длиннющий нартекс и пляшет! Эй, старик! Почтенный человеке!	250
	Никак я не пойму! Ты что, совсем рехнулся? ⁴¹ Бросай-ка этот плющ! И выпусти скорее из рук нелепый тирс! Ты ведь мой дед! Не помнишь? Тиресий, это ты его сбиваешь с толку!	255
	Ты общество людей тревожишь новым богом, чтоб пялиться на птиц ⁴² и жертвы жечь за деньги! Когда бы седина тебя не защищала, сидел бы ты в тюрьме, среди своих вакханок, за подлый свой обряд! И если столько женщин тягучий сок лозы впивают на пирушках, то таинства твои, бесспорно, нездоровы!	260
Хор	Невежа! Ты не чтишь ни божество, ни Кадма, посеявшего тут народ свой землеродный!	
	Ты что, Эхионид? Свою семью бесчестишь?	265
Тир.	Когда мудрец найдёт хорошую основу для помыслов своих, то речь его прекрасна. Ты вертишь языком как человек разумный, но в этих словесах я разума не слышу. Негоден гражданин, который гневом крепок и рвётся в битву слов, не научившись думать.	270
	Вот этот новый бог, над коим ты глумишься, – сказать я не могу, какой во всей Элладе	

³⁷ Эта строка и следующая считаются поздними вставками.

³⁸ Актеон (Ἀκταίων) – охотник, погубленный Артемидой.

³⁹ Автоноя (Ἀὐτονόη) – дочь Кадма.

⁴⁰ «Себя он объявил Дионисом бессмертным,»

⁴¹ Можно заменить на более мягкий вариант: «Совсем ты помешался?»

⁴² Т.е. заниматься птицегаданием – узнаванием воли божества по полёту птиц.

получит он почёт! Есть, юноша, у смертных
 два главных божества: Деметра или Гея 275
 (ты можешь ей давать какое хочешь имя,
 она питает нас простой и твёрдой пищей)
 и вот, Семелин сын, явившийся позднее,
 неся нам сок лозы, подарок равноценный,
 который лечит боль несчастных человек, 280
 напитывая дух потоком виноградным
 и разбавляя сном вседневные заботы, —
 иного средства нет от наших злоключений.
 Он сам, в одном лице и бог, и возлиянье,
 мы льём его богам, прося у них защиты. 285
 Смеёшься ты над тем, что он в бедре у Зевса
 зашит был? Но пойми, как это всё разумно!
 Ребёночка достав из пекла громового,
 Зевс поднял на Олимп спасённого им бога,
 но Гера собралась его с небес низвергнуть, 290
 а Зевс, блеснув умом, перехитрил супругу.
 Ломоть эфира взяв, объемлющего землю,
 он из него слепил подобье Диониса⁴³
 и Гере, кончив спор, в заложники оставил,⁴⁴
 а люди уж потом значение поменяли, 295
 мол, в Зевсовом бедре младенец был *заложен*,
 а Дионис-то был *заложником* у Геры.⁴⁵
 С рожденья этот бог – великий прорицатель,
 являющий свой дар в обрядах исступлённых.
 Необоримый бог заходит в наше тело 300
 и покоряет нас, к вещанью побуждая.
 Воспринял он в себя и нечто от Ареса.⁴⁶
 Бывает, что бойцы в строю, во всеоружье,
 копьём не шевельнув, рассеются от страха,
 а этот жуткий страх навеян Дионисом!⁴⁷ 305
 Ещё увидишь ты, как в Дельфах, на двуглавом
 извилистом плато он с факелами скачет,
 и хлещет, и трясёт вакхической ветвью
 над эллинской землёй! Пенфей! Молю, послушай!
 Не хвастай, что лишь царь людьми повелевает, 310
 не принимай за ум недужные решения!
 Ты бога пропусти в свою родную землю,
 вино ему возлей, венком украсься в танце!
 Да разве Дионис принудит наших женщин⁴⁸
 к распущенной любви, когда сама природа 315
 удерживает их в пределах благочестья?⁴⁹

⁴³ «он из него слепил Диониса другого»

⁴⁴ Аргументация Тиресия построена на игре слов: «ὄμηρος» (заложник) и «μήρως» (бедро).

⁴⁵ «мол, в Зевсовом бедре заложен был Дионис, // а он всего-то был *заложником* у Геры.»

⁴⁶ Арес или Арей (Ἄρης) – бог войны.

⁴⁷ «и этот жуткий страх Дионисом навеян!»

⁴⁸ «Благоразумных жён принудит ли Дионис...»

⁴⁹ Эта строка считается подложной.

	Подумай вот о чём: и в гуще вакханалий невинная душа развращена не будет. Понятно? Ты же рад, когда у входа в город народная толпа поёт хвалу Пенфею, –	320
	а разве божеству не мило поклоненье? Мы с Кадмом дорогим, осмеянным тобою, украсимся плющом, начнём весёлый танец! Мы хоть и старики, но что ж теперь? Попляшем!	
	Не склонишь ты меня к непочитанью бога.	325
	Безумен ты, родной. Тут зелья не помогут. Наверное, сынок, ты зельем и опоен!	
Хор	Речами ты, старик, не принижаешь Феба!	
	И Бромия ты чтишь, а это очень мудро!	
Кадм	Как правильно, сынок, тебя учил Тиресий!	330
	Останься среди нас, не нарушай законов! Порхаешь ты умом, безумьем ищешь мудрость. Пусть юноша не бог, как ты нам заявляешь, а ты скажи, что бог, солги для большей пользы!	
	Пусть люди говорят, что бог рождён Семелой, так роду твоему и нам прибудет чести!	335
	Ты помнишь тяжкий рок и гибель Актеона, ⁵⁰ как бешеные псы, которых он взлелеял, пожрали плоть его? Он хвастал на полянах, что он как зверолов искусней Артемиды!	340
	Остерегись беды! Надень венок зелёный, сплетённый из плюща! Славь бога вместе с нами!	
Пенф.	Прочь руки от меня! Давай! Иди, беснуйся! Безумием своим ты тут меня не пачкай! Твой новый властелин, учитель безрассудства, заплатит мне за всё! Эй, кто-нибудь! Скорее беги в дом старика, где слушает он птишек, ⁵¹ всё ломом сокруши, устрой там полный хаос, переверни столы, венки же и гирлянды ⁵²	345
	из окон побросай ветрам и ураганам – я так всего больней гадателя израню!	350
	А вы, мои рабы, по городу пройдите, узнайте, где сидит чужак женоподобный, терзая женский пол невиданной болезнью!	
	Негодника поймав, сюда его ведите	355
	в оковах и цепях! Побьём его камнями! Попробует он желчь фиванских вакханалий!	
Тир.	Приди в себя, наглец! Ты что собрался делать?	

⁵⁰ Актеон (Ακταίων) – охотник. Согласно мифу, однажды Актеон во время охоты случайно подошёл к месту, где Артемида купалась со своими нимфами в реке. Вместо того чтобы в священном страхе удалиться, он, зачарованный, стал наблюдать за купанием. Заметив охотника, разгневанная богиня превратила его в оленя, который попытался убежать, но был настигнут и разорван своими же охотничьими собаками.

⁵¹ В оригинале – «οἰωνοσκολεῖ», т.е. «наблюдает за птицами». Однако Тиресий слеп и не может смотреть на птиц. Он гадает по их крику и шуму крыльев (см. Сифорд, с. 180).

⁵² Жреческие венки, обвитые белой шерстью, которые надевались во время обрядов.

	Ты безрассудным был, теперь же стал безумным! Идём отсюда, Кадм! Попросим вместе бога, чтоб не казнил его, хотя он и взбесился, и город заслоним от страшного несчастья! Иди со мною, друг! Неси свой тирс как посох! Насколько хватит сил, друг друга мы поддержим! Доверимся судьбе! Двум старцам стыдно падать! Нам нужно послужить для Вакха, сына Зевса! Ты, Кадм, остерегись, чтоб не принёс печали в твою семью Пенфей! Прошу не как вещатель, а просто как твой друг, заболтанный болваном.	360 365
Хор	Благочинность, мать бессмертных! Благочинность, ты всю землю золотым крылом ласкаешь! Ты слыхала речь Пенфея, как был дерзостно унижен дивный Бромий, сын Семелы, первый бог среди блаженных на пирах дивновенчаных? Вот что делать он умеет – возглавляет хороводы, веселит нас чудной флейтой, прекращает наши беды, озаря спелой гроздью пир людей во славу неба, изливая из кратёра сон для плющеносных смертных!	370 375 380 385
	Необузданному слову, беззаконному безумству лишь один конец – несчастье, а покой разумной жизни, благочинное мышление так прочны, что сберегают наши семьи, потому что боги хоть живут в эфире, но дела людские видят. Игры разума – не мудрость. Мысль, не свойственная смертным, сокращает время жизни. Нужно ли в мечтах великих забывать о том, что рядом? Так ведут себя безумцы, жертвы глупых наставлений!	390 395 400
	На Кипр уехать нужно, на остров Афродиты, где водятся Эроты, чарующие сердце!	405

Уехать бы на Пафос,⁵³
 к стоустному потоку
 чужой реки бездождной,
 а то и в Пиерію,⁵⁴
 обитель Муз прекрасных, 410
 на статный склон Олимпа!
 Веди нас, Бромий, Бромий,
 вакханок вождь эвийский!
 Там Потос,⁵⁵ и Хариты,⁵⁶ 415
 и шум законных оргий!

Великий бог, сын Зевса,
 пирами чтит Эйрену,⁵⁷
 дарительницу счастья,
 кормящую младенцев. 420
 И бедных, и богатых
 он поит в равной мере
 забвением печалей.
 А кто не веселится
 ни ясным днём, ни ночью, 425
 тот богу ненавистен,
 поскольку бог не любит
 людей излишне мудрых.
 Что просто и полезно, 430
 то мне и нужно в жизни.

СЛУГА

Пенфей, а вот и мы! Идём сюда с добычей!
 За нею посылал ты нас не понапрасну! 435
 Зверь смирно вёл себя, не пробовал спастись,
 но дал себя связать, вложил в оковы руки,
 и винный цвет щеки не побледнел нисколько.
 Мы повели его, а он лишь улыбался
 и слушался меня, труды мне облегчая. 440
 Неловко стало мне. Сказал я: «Чужестранец,
 моей тут воли нет. На мне приказ Пенфея.»
 Вакханки же твои, которых мы сковали
 в общественной тюрьме, уже освободились
 и, цепи побросав, сбежали на поляны, 445
 танцуя, и резвясь, и к Бромииу взывая.
 Оковы на ногах вдруг сами разломились,
 открылись и замки без нашего участия!
 Чудесный человек явился в наши Фивы.
 Я выполнил приказ. О прочем сам заботься! 450
 Пенф. Снять путы с рук его! Сетями он уловлен,

⁵³ Па́фос (Πάφος) – город в юго-западной части острова Кипр.

⁵⁴ Пиерія (Πιερίας) – область в Греции, в Центральной Македонии.

⁵⁵ Пóтос (Πόθος) – один из богов любви.

⁵⁶ Хариты (Χάριτες, «изящные, прелестные») – три богини веселья и радости жизни, олицетворение изящества и привлекательности.

⁵⁷ Эйрена (Εἰρήνη) – богиня мира, дочь Зевса.

	поэтому никак не улизнёт отсюда!	
	Ты не уродлив, гость! Я понимаю женщин!	
	Ты, видно, ради них и появился в Фивы!	
	Как волосы длинные! В палестру так не сходишь!	455
	Вон, выются по щекам и расточают негу!	
	А кожа у тебя, конечно, стала белой	
	затем, что по лесам, а не на ярком солнце	
	своею красотой ты ловишь Афродиту!	
	Начнём же наш допрос. Ты где на свет родился?	460
Дион.	Хвалиться нечем тут, и дать ответ несложно.	
	Ты, может быть, слыхал о цветоносном Тмоле?	
Пенф.	Слыхал. Тугим кольцом он стиснул город Сарды. ⁵⁸	
Дион.	Оттуда я пришёл. А родом я лидиец.	
Пенф.	Зачем же свой обряд приносишь ты в Элладу?	465
Дион.	Сын Зевса, Дионис, призвал меня к служенью. ⁵⁹	
Пенф.	У вас какой-то Зевс богов рождает новых?	
Дион.	Ничуть. Всё тот же Зевс, возлюбленный Семелы.	
Пенф.	Бог ночью или днём тебе вселился в душу?	
Дион.	Он мне лицом к лицу поведал тайны оргий.	470
Пенф.	А оргии твои, они на что похожи?	
Дион.	Нельзя об этом знать непосвящённым людям.	
Пенф.	Какая же от них для жертвующих польза?	
Дион.	То тайна для тебя, хоть знать её и стоит.	
Пенф.	Речь ловко ты повёл, чтоб я желал послушать!	475
Дион.	Обряды божества не терпят нечестивцев.	
Пенф.	На бога ты глядел. Какой же он? Расскажешь?	
Дион.	Он был, каким хотел. Ему я не указчик.	
Пенф.	Как ловко ты опять ответа избегаешь!	
Дион.	Разумные слова глупы в ушах невежды.	480
Пенф.	Ты прямо к нам пришёл учить об этом боге?	
Дион.	Все варвары давно на оргиях танцуют.	
Пенф.	Во много раз они нас, эллинов, глупее.	
Дион.	Нет, в чём-то и умней. Другие там законы.	
Пенф.	А ночью или днём ты оргии справляешь?	485
Дион.	Обычно по ночам. Есть ночью величавость.	
Пенф.	Нет! Хитрость и порок для растлеванья женщин!	
Дион.	Постыдное и днём найти не очень сложно.	
Пенф.	Твой мерзостный разврат отведаёт закона!	
Дион.	Ты сам его испей, невежда и безбожник!	490
Пенф.	Ну и наглец вакхант! И как язык подвешен!	
Дион.	Скажи, что будет мне. Какое наказание?	
Пенф.	Я волосы твои роскошные обрежу.	
Дион.	Священные они! Я их ращу для бога!	
Пенф.	В руках ты держишь тирс. Отдай его немедленно!	495
Дион.	Попробуй сам отнять! Он – символ Диониса. ⁶⁰	
Пенф.	Запру тебя в тюрьме, к дверям приставлю стражу.	
Дион.	Бог выпустит меня, как только пожелаю.	

⁵⁸ Сарды (Σάρδεις) – столица Лидии, расположенная у горы Тмол.

⁵⁹ «Дионис, Зевсов сын, призвал меня к служенью.»

⁶⁰ «Его мне дал Дионис.»

Пенф.	Вот и зови его среди своих вакханок!	
Дион.	Он смотрит и сейчас на все мои страдания.	500
Пенф.	И где же этот бог? Я что-то не примечу!	
Дион.	Он там же, где и я. Как слеп ты, нечестивец!	
Пенф.	Схватить его скорей! Он враг и мне, и Фивам!	
Дион.	Не смей меня вязать! Очнитесь, недоумки!	
Пенф.	Вяжите, говорю! Моей тут больше власти!	505
Дион.	Не знаешь ты, как жить! И кто ты сам, не знаешь!	
Пенф.	Пенфей, Агавы сын и семя Эхиона!	
Дион.	Ты с именем таким не избежишь несчастья! ⁶¹	
Пенф.	Ну всё! Закрывать его у самых конских яслей!	
	Пускай густая тьма в глаза ему нальётся!	510
	Вон там и попляши! А всех твоих служанок, тут сеющих разврат, мы продадим на рынке!	
	Я сам их отучу шуметь и бить по шкурам, у кросен расскажу, и жизнь их станет рабской!	
Дион.	Ну что же, я готов. Ничто не происходит наперекор судьбе. Тебя за всё накажет великий Дионис, ⁶² хотя ты и не веришь, в тюрьму бросая нас, что оскорбляешь бога!	515
Хор	Госпожа, дочь Ахелоя, ⁶³ восхитительная Дирка!	520
	Ты в свои густые струи принимала сына Зевса.	
	Бог в бедро зашил младенца, обокрав огонь бессмертный,	525
	и вскричал: «В мужское чрево, Дифирамб, ⁶⁴ иди скорее!	
	Я тебя отправлю в Фивы, где ты будешь зваться Вакхом!»	
	Что же, благостная Дирка,	530
	ты отталкиваешь толпы, обрамлённые венками?	
	Что уходишь? Я ручаюсь наслаждением сочной гроздьёю и лозою Диониса ⁶⁵ –	535
	Бромий свидится с тобою!	
	Что за бешенство такое! ⁶⁶ Как похож Пенфей на предка, на подземного дракона,	

⁶¹ Имя «Пенфей» происходит от слова «πένθος», т.е. «печаль, скорбь, горе». К сожалению, эта этимология теряется в переводе.

⁶² «Тебе за все злодеяния // Дионис отомстит.»

⁶³ Ахелой (Ἀχελώϊος) – река во Фригии.

⁶⁴ Дифирамб (διθύραμβος) – жанр древнегреческой хоровой лирики, дионисийский гимн. Здесь – прозвище самого Диониса.

⁶⁵ «и Дионисом душистым»

⁶⁶ Эта строка считается подложной, потому что выбивается из симметрии.

	от которого родился Эхион ваш землеродный! ⁶⁷ Нет, не царь, а зверь свирепый, великан богопротивный скоро руки мне повяжет из-за Бромия благого!	540 545
	Он уже в темнице запер моего большого друга, в непроглядном полумраке! Дионис, рождённый Зевсом, ⁶⁸ видишь, как твои служанки воспротивились насилью? Господин! Сойди с Олимпа, порази лучистым тирсом кровожадного злодея!	550 555
	Где на Нисе ⁶⁹ звероводной тирсом ты заводишь пляски, Дионис? Куда ты бродишь ⁷⁰ по вершинам корикийским, ⁷¹ на Олимпе многодревном? Там Орфей бряцал кифарой, и сближал деревья песней, и манил животных диких! Пиерия, край счастливый! Скоро Эвий ⁷² твой прибудет в танце диких вакханалий! Через Аксий ⁷³ быстроводный рой кружащихся вакханок он помчит и через Лидий, ⁷⁴ подающий людям счастье как отец и благодетель и, я слышала, поящий их коней лучистой влагой!	560 570 575
Дион.	Ио! Услышьте меня! Услышьте меня! Вакханки мои! Вакханки мои!	
Хор	Что это за крик? Откуда меня Наш Эвий, наш бог, так звучно зовёт?	

⁶⁷ Кадм убил дракона и посеял его зубы в землю. Из этих зубов выросли воины, которые сразу начали сражаться друг с другом. Почти все они погибли, осталось только пять воинов. Один из них, Эхион, стал отцом Пенфея.

⁶⁸ «Ты, Зевесов сын, Дионис».

⁶⁹ Ниса (Νῆσα) – гора, на который вырос Дионис. Точное местоположение этой горы неизвестно.

⁷⁰ «мой Дионис? // Где ты бродишь».

⁷¹ Корикийские пики (κορυφαῖς Κορυκίας) – вершины горы Парнас. на которой находилась знаменитая Корикийская пещера, где жили наяды.

⁷² Эвий (Εὔιος) – эпитет Диониса.

⁷³ Аксий (Ἀξιός) – река в Македонии.

⁷⁴ Лидий (Λύδιος) – река в Македонии.

Дион.	Ио! Ио! Опять я кричу, сын Зевса-отца, Семелы дитя!	580
Хор	Ио! Ио! Ты где, господин? Приди, появись! Наш Бромий, наш бог! О Бромий благой!	
Дион.	Встряхни земную твердь, почтенное Землетрясение!	585
Хор	А! А! Пенфеев дворец вот-вот задрожит, вот-вот упадёт! Внутри Дионис! ⁷⁵ Молитесь ему! – Мы молимся, да!	590
–	Вот камни летят с высоких колонн, вот брусья ползут! Наш Бромий пришёл! Он громко кричит под кровлей дворца!	
Дион.	Вздыхни, воспламенись, блистающий громами светоч!	
Хор	Сожги, сожги дотла дворец надменного Пенфея! А! А! Ты видишь пожар? Как искры огня божественный гроб Семелы грызут! Гром Зевса на нём искрится, блестит свирепым лучом! Вы падайте ниц! Вы падайте ниц, менады мои! Сын Зевса, наш бог, сейчас подойдёт и в груды камней дворец превратит!	595 600
Дион.	Варварки, да неужели так истерзаны вы страхом, что попадали на землю? Вы почувствовали Вакха, как он рушит кров Пенфея? Эй, скорее поднимайтесь! Надо мужества набраться и прогнать из тела трепет!	605
Хор	Величайшее светило наших звучных вакханалий, как мы рады нашей встрече! Как здесь пусто и уныло!	
Дион.	Вы совсем поникли духом, зная, что меня уводят, что я скоро буду брошен в чёрную тюрьму Пенфея?	610
Хор	Как иначе? Кто спасёт нас, если зло тебя постигнет? Как же ты освободился после спора с нечестивцем?	
Дион.	А я просто взял и вышел, без малейшего усилия!	
Хор	Но тебе связал он руки неразрывными узлами!	615
Дион.	Это я над ним смеялся. Веря, что меня он вяжет, он меня не тронул вовсе, лишь питал мечты пустые! Он быка нашёл у яслей, где хотел меня неволить, и ему набросил петли на колени, на копыта, тяжело дыша от гнева, весь испариной покрывшись и себе кусая губы – я же был неподалёку, молча сидя, наблюдая. В это время Вакх явился, дом сотряс, раскинул пламя по гробнице материнской. Царь увидел и подумал, что дворец его пылает, заметался, загорланил, чтоб тащили Ахелоя! ⁷⁶	620 625

⁷⁵ «Дионис внутри!»

	Все рабы засуетились над работой бесполезной. Вскоре он утомился, посчитав меня сбежавшим, чёрный меч из ножен вырвал и пропал в покоях дома. Тут мне кажется, что Бромий (это лишь моё суждение) во дворе мой призрак создал. Мигом царь к нему метнулся, меч вонзая в ясный воздух, искромсать меня желая! Кроме этого доставил Вакх ему другие беды – бог на землю дом обрушил, уничтожил совершенно! ⁷⁷ Царь почувствовал всю горечь уз моих невыносимых, бросил меч, совсем поникнул. Зря пытался этот смертный завязать сражение с богом! Я же вышел преспокойно из дворца и к вам явился. До Пенфея нет мне дела! Скоро, как я понимаю (башмаки стучат за дверью), выйдет он во двор из дома. Интересно, что он скажет? Я его легко сломаю. Пусть кричит и гневом пышет, мудрецу же подобает оставаться хладнокровным!	630
Пенф.	Беда-то! Вот беда! Сбежал мой чужестранец, а только что был весь верёвками обвязан! А! А! Кто этот человек? Что это происходит? Как вышел ты во двор? Как встал у самой двери?	645
Дион.	Спокойно, не вопи! Смири порывы гнева!	
Пенф.	Как выпутался ты? Как выскочил наружу?	
Дион.	Я, помнишь, говорил, что руки мне развяжут?	
Пенф.	Да кто же, боже мой? Ты снова вздор городишь!	650
Дион.	Кто поит всех людей лозою многогрозной.	
Пенф.	<Ты от своей лозы совсем ума лишился!> ⁷⁸	
Дион.	Упрёк твой прозвучал во благо Дионису! ⁷⁹	
Пенф.	Эй! В стенах городских закройте все ворота!	
Дион.	Зачем же? Разве бог не перепрыгнет стену?	
Пенф.	Гляди, как ты умён! Да всё не там, где нужно!	655
Дион.	Ничуть. Умён я там, где ум всего нужнее. Вон человек идёт, а ты его послушай, спустился он с горы, неся тебе известье. А я тут постою и никуда не денусь.	
ВЕСТНИК		
	Пенфей, великий царь земли своей фиванской! Я бросился к тебе, покинув Киферон, где чистый белый снег не прекращает падать.	660
Пенф.	Зачем ты прибежал? Что нового стряслось?	
Вест.	Вакханок я видал. Как пары белых копий мелькали ноги их, отсюда уносясь. Иду сказать я, царь, тебе и горожанам о странных чудесах превыше всех чудес!	665

⁷⁶ Т.е. воду из реки Ахелой. Часто река отождествляется со своим богом.

⁷⁷ Вероятно, имеется в виду не весь дворец, а лишь одна какая-нибудь постройка, потому что основная часть дворца всё ещё цела, как видно по тексту.

⁷⁸ Эта строка не сохранилась и добавлена мною.

⁷⁹ «Упрёк твой прозвучал Дионису во благо!»

	Я только знать хочу: мне нужно ль побережся и парус языка немного подобрать?	
	Порывистый твой нрав страшит меня, властитель, уж больно ты гневлив и царственен с людьми!	670
Пенф.	Не бойся! Говори! Ты здесь не пострадаешь! Нет смысла свирепеть из-за правдивых слов. ⁸⁰	
	Чем больше ты всего расскажешь про вакханок, тем строже я смогу вождя их наказать, который волшебством порабощает женщин!	675
Вест.	Стада моих коров уже почти взошли на полый склон горы, и жаркое светило по млеющей земле разбрызгало лучи. Я женщин увидал, три группы. Автоноя вела одну из них. Твоя Агава-мать была вождём второй. Ино́ царила в третьей. Все спали на земле, устав от беготни. Одни легли спиной на пихтовые ветви, другим смягчала сон дубовая листва.	680 685
	Всё было чинно там. Напрасно ты считаешь, что пьют они вино, и прячутся в лесах, и там под визги флейт Киприду настигают. Проснулась мать твоя и начала кричать, среди вакханок встав и сон их прогоняя – услышала она мычанье тучных стад.	690
	И, выронив из глаз роскошную дремоту, все стройно поднялись – и матери семейств, и девочки совсем, и дряхлые старухи. Густой поток волос на плечи уронив, шнуровку подтянув, где нужно, на небридах, они вязали вновь наряд из пёстрых шкур верёвками гадюк, лизавших женщин в щёки. Какие-то из них кормили молоком (оставшись без детей) волчонка, косулёнка, давая им свою наполненную грудь; какие-то плели из гибкой повилики, из дуба, из плюща душистые венки.	695 700
	А кто-то по скале ударил крепким тирсом, и брызнула струя блистающей воды, и кто-то на траву поставил гибкий нартекс, и бог из-под земли пустил струю вина. Желавшие вкусить и белого напитка копали рыхлый торф и прямо из него вкушали молоко. По тирсам плющеносным струился нежный мёд. Увидев это сам, ты перестал бы, царь, сопротивляться богу и гневную хулу молитвой бы сменил!	705 710
	Сошлись поговорить, побыть немного вместе все наши пастухи овец, коров и коз.	715

⁸⁰ Эта строка считается подложной.

Когда о чудесах мы начали рассказы,
 из города пришёл бродяга и болтун,
 подсел к нам и сказал: «Эй, жители священных
 и травоносных гор! Не выловить ли нам
 из этих буйных толп Агаву, мать Пенфея? 720
 Порадуем царя?» Слова его пришлись
 всем нашим по душе. Мы сделали засаду
 в раскидистых кустах. Урочный час настал,
 взметнулся звонкий тирс, вакханки закружились,
 Иакха⁸¹ вознося и Бромия зовя, 725
 плод Зевсова бедра! Слились гора и звери,
 всё в танце затряслось! Никто не устоял!
 Когда ко мне прыжком приблизилась Агава,
 я на ноги вскочил и устремился к ней
 из пышного куста, где прятался в засаде. 730
 Она как закричит: «Эй, гончие мои!
 Мужчины ловят нас! Быстрее! Хватайте тирсы!
 Бегите все за мной с оружием в руках!»
 А мы помчались прочь от бешеных вакханок,
 иначе всё, конец! Паслись в траве стада, 735
 те бросились на них без палок, без кинжалов!
 Ты их видал бы, царь! Одна телицу рвёт,
 ревущую в тоске, с набрякшими сосцами,
 другие потрошат ещё живых коров!
 Ты рёбра бы видал, взлетающие к небу, 740
 кровавые комки раздвоенных копыт,
 висящих на сосне, уже совсем багряной!
 Рогатые быки, до этого легко
 бодавшие врагов, теперь валились наземь
 от гибельных толчков несметных женских рук! 745
 Те женщины быстрее сдирали клочья мяса,
 чем ты, мой господин, смыкаешь веки глаз.
 Потом как стая птиц, от синих струй Асопа⁸²
 по вспаханым полям, где пышный урожай
 готовится для Фив, помчались те вакханки 750
 и шумно ворвались, как армия врага,
 в Эритры,⁸³ Гисии,⁸⁴ на склоны Киферона,
 ломая всё вокруг, швыряя и круша!
 Врывались и в дома, грудных детей хватали,
 которые с их плеч не сваливались в грязь, 755
 ещё на их плечах держался без верёвок
 подхваченный металл – железо или медь,⁸⁵
 а волосы цвели огнём неопалимым!
 Ограбленный народ накинута на них,
 и тут я, господин, узрел такое чудо: 760

⁸¹ Иакх (Ἰακχος) – прозвище Диониса.

⁸² Асоп (Ἀσώπῳς) – река, протекающая мимо Киферона.

⁸³ Эритры (Ερυθραί) – город на склоне Киферона, недалеко от Фив.

⁸⁴ Гисии (Ἰσίαι) – город на склоне Киферона.

⁸⁵ Эта строка считается подложной.

Пенф.	Ужасно! Мне опять готовит он уловки! ⁹⁰	805
Дион.	Я просто волшебством хочу тебе служить.	
Пенф.	Вы сговорились так, чтоб вечно славить Вакха!	
Дион.	Ты всё и понимай как сговор с божеством.	
Пенф.	Оружие сюда! Закрой свой рот, приятель!	
Дион.	А! ⁹¹	810
	Ты хочешь ли в горах на женщин поглядеть?	
Пенф.	Хочу! И я готов дать золота за это!	
Дион.	Ты что так покраснел? Ты страстью распалён?	
Пенф.	Те женщины пьяны! Мне горько это видеть!	
Дион.	А разве красота не может быть горька?	815
Пенф.	Я просто посижу тихонечко под елью.	
Дион.	Как ни крадись, мой друг, они тебя найдут.	
Пенф.	Всё верно говоришь. Тогда пойду открыто!	
Дион.	Мне отвести тебя? Ты что, уже пошёл?	
Пенф.	Да-да, веди скорей! Мне тошно здесь томиться!	820
Дион.	Ты пеплос-то надень! Почувствуй нежный лён!	
Пенф.	А разве не позор стать женщиной мужчине?	
Дион.	Поберегись, мой друг! Мужчину там убьют!	
Пенф.	Вновь мудрые слова! С утра умом ты блещешь!	
Дион.	Отмерил мне ума великий Дионис. ⁹²	825
Пенф.	Но как осуществить наш замысел отменный?	
Дион.	Я в дом с тобой войду. Найду тебе наряд.	
Пенф.	Пошитый для кого? Для женщины? Мне стыдно!	
Дион.	Ты разве на менад не хочешь посмотреть?	
Пенф.	Какое же ты мне придумал украшение?	830
Дион.	Я волосы тебе сначала удлиню.	
Пенф.	А дальше? Чем ещё меня ты приукрасишь?	
Дион.	Повязкой головной и пеплосом до пят.	
Пенф.	А дальше? Дальше что? Как ты меня нарядишь?	
Дион.	В небриду попестрей. И тирс тебе найду.	835
Пенф.	Нет-нет! Я не могу как женщина одеться!	
Дион.	Зато ты кровь прольёшь, вакханок разобьёшь!	
Пенф.	Ты прав. Но мы должны отправиться в разведку!	
Дион.	Так лучше, чем бедой улавливать беду!	
Пенф.	Но как уйти в луга украдкой от кадмейцев?	840
Дион.	По улицам пустым. Я поведу тебя!	
Пенф.	Всё выгодней, чем стать насмешкой для вакханок!	
Дион.	Идём-ка во дворец, <найдем тебе наряд!> ⁹³	843a
Пенф.	<Но только не спеши!> Я сам приму решение!	843b
Дион.	Конечно! Принимай! А я на всё готов!	
Пенф.	Ну ладно. Я пошёл! Надену там доспехи, а может быть, решу послушаться тебя!	845
Дион.	Вот, женщины мои! Он сам заходит в сети!	848

⁹⁰ Вариант перевода: «Опять он мне плетёт какие-нибудь козни!»

⁹¹ Наверное, это магическое восклицание, потому что мысли Пенфея сразу принимают иное направление.

⁹² «Мне этот светлый ум Дионис даровал.»

⁹³ Текст в этой строке и следующей, заключённый в треугольные скобки, не сохранился и добавлен мною.

	К вакханкам он пойдёт и кару понесёт!	847
	За дело, Дионис! ⁹⁴ Я знаю, что ты близко!	
	Злодею отомстим! Своди его с ума,	850
	но только по чуть-чуть! Незамутнён рассудком,	
	он платье ни за что не станет надевать,	
	а, разум потеряв, нацепит что угодно!	
	Пусть высмеет его народ великих Фив,	
	когда он выйдет в путь, по-женски разодетый!	855
	Как он меня ругал, как страшно угрожал!	
	Однако я пойду, надену на Пенфея	
	наряд, в котором он отправится в Аид,	
	вина родную мать! Да, явится злодею	
	сын Зевса, Дионис, ⁹⁵ напуганнейший бог	860
	в мистериях своих, но для людей – кротчайший!	
Хор	В хороводах, водимых ночью,	
	мне придётся ль ходить когда-то	
	белой ножкой, дрожа от страсти,	
	охлаждая росой шею,	865
	словно юная лань, играя	
	среди зелёных восторгов луга,	
	если лань убежит от бойни,	
	от загонщиков кровожадных,	
	перепрыгнув тугие сети	870
	под охотничий крик, бодрящий	
	свору гончих разгорячённых,	
	уносясь по траве рывками,	
	словно ветер, задувший буйно,	
	на равнину, где блещет речка,	
	торжествуя в местах безлюдных,	875
	в заплетеньях густого леса?	
	В чём же мудрый и в чём достойный	
	дар богов для обычных смертных,	
	как не в том, чтоб с великой силой	
	шею вражью пригнуть рукою?	880
	Что прекрасно, то нам и мило!	
	Сила божья течёт неспешно,	
	но вовеки не удержи́мо,	
	исправляя природу смертных,	
	почитающих неразумье,	885
	не желающих делать благо,	
	утопающих в тёмных мыслях!	
	Боги прячут разнообразно	
	величавую поступь жизни,	
	уловляя людей бесчестных!	890

⁹⁴ «Ди́онис, потрудись!»

⁹⁵ «Да, явится сын Зевса, // Ди́онис, наглецу! Напуганнейший бог,» и т.д.

Нам нельзя ни в делах, ни в мыслях
над законами возноситься,
ведь не нужно больших усилий,
чтобы славить величье бога,
(кем бы он ни решил явиться),
почитая дела благие, 895
гармоничные для природы!

В чём же мудрый и в чём достойный
дар богов для обычных смертных,
как не в том, чтоб с великой силой
шею вражью пригнуть рукою? 900
Что прекрасно, то нам и мило!

Тот блажен, кто избегнул шторма
и в спокойную прибыл гавань!
Тот блажен, кто осилил беды
на земле, где друг друга давят 905
и богатством, и грубой силой!
А в несметных сердцах пылают
и несметные ожидания,
кто-то с ними найдёт богатство,
кто-то нищим уйдёт в могилу, 910
я сочту лишь того блаженным,
кто живёт в каждодневном счастье!

Дион. Эй ты, смотрящий вдаль, куда смотреть не надо!
Пенфей, бегущий вскачь, куда бежать не стоит!
Из дома выходи! Явись передо мною,
по-женски разодет! Менадой и вакханкой 915
лети глядеть на мать и на её отряды!

Пенф. Как всё же ты похож на дочь седого Кадма!
Мне кажется теперь, что вижу я два солнца!
Я вижу двое Фив! Два града семивратных!
Ты в облике быка передо мною ходишь, 920
на голове твоей рога произрастают!

Дион. Всегда ты зверем был? Обычился ты славно!
Немилостивый бог нам другом обернулся!
Ты видишь только то, что требуется видеть!

Пенф. Похож я на Ино́? Я выгляжу красиво? 925
Прельстителен ли я, как мать моя, Агава?

Дион. Смотрю я на тебя – и вижу их обеих!
Но с места своего вот этот локон сбился,
хоть я его и сам приладил под повязкой!

Пенф. Я головой мотал, как будто я вакханка, 930
по комнатам бродя, вот локон и сместился!

Дион. А мы его возьмём и подоткнём обратно!
Теперь я твой слуга! Держи прямее шею!

Пенф. Причёсывай меня! Я тоже твой всецело!
Дион. Твой пояс ослабел и пеплос распустился! 935

	И складки невпопад на голени упали!	
Пенф.	Ах, точно! Так и есть! Но это только справа!	
	На левой же ноге до пятки пеплос ровен!	
Дион.	Меня ты назовёшь своим ближайшим другом,	
	вакханок увидав, на удивление смирных!	940
Пенф.	А тирс какой рукой держать мне? Правой?левой?	
	Хочу вакханкой стать! Ну прямо настоящей!	
Дион.	Тирс в правой должен быть и двигаться при шаге	
	в такт правой же ноге. Как ты изящно мыслишь!	
Пенф.	Скажи, а я смогу взвалить себе на плечи	945
	слоистый Киферон и всех твоих вакханок?	
Дион.	Ты только пожелай! Ты раньше был безумцем,	
	зато, любезный друг, теперь твой ум что надо!	
Пенф.	А ломы нужно брать? Нет! Гору я поддену	
	рукой или плечом – и подниму руками!	950
Дион.	Прошу тебя, мой друг! Ты храмы нимф не трогай!	
	Дом Пана не круши, где он дудит на флейте!	
Пенф.	Ты дело говоришь! Мы женщин одолеем	
	не силой наших рук! Под елями я скроюсь!	
Дион.	Ты скроешься туда, куда и должен скрыться	955
	пришедший наблюдать за толпами вакханок!	
Пенф.	Я их найду, как птиц, под кронами лесными,	
	щебечущих в сетях наисладчайшей страсти!	
Дион.	Такая цель твоя, достойный страж порядка!	
	Добычею не став, ты точно их добудешь!	960
Пенф.	Веди, веди меня! Открыто, через Фивы!	
	На подвиг я иду, как истинный мужчина!	
Дион.	Один ты тут герой! Один за всех воюешь!	
	Начнётся скоро бой, тебя вполне достойный!	
	Пойдём же! Я с тобой, твой спутник и спаситель!	965
	Прибудешь ты назад... Пенф. Да! С матерью, конечно!	
Дион.	На обозрение всем... Пенф. Я этого и жажду!	
Дион.	Вернёшься на руках... Пенф. Вот роскошь, право слово!	
Дион.	...у матери своей... Пенф. Ты сердце мне разнежишь!	
Дион.	Я это и люблю! Пенф. Я жребий свой поймаю!	970
Дион.	Да! Страшен, страшен ты! И страшно пострадаешь!	
	Но славою своей поднимешься до неба!	
	Агава, мать царя! И сёстры, семя Кадма!	
	Прострите руки ввысь! Героя молодого	
	веду я к вам на смерть! Нам с Бромием победу	975
	доставит этот бой! А что потом – посмотрим!	
Хор	Псы Лиссы! ⁹⁶ Скорей на гóру бегите!	
	Там сёстры сидят, наследницы Кадма!	
	Разгневайте их! Да будет растерзан	
	идуший туда под женской личиной	980
	глядеть на менад безумец несчастный!	
	Любимая мать увидит, увидит	

⁹⁶ Лисса (Λύσσα) – персонификация бешенства и безумия.

с пустынной скалы, с верхушки сосновой,
как прячется он, и крикнет менадам:
«Вакханки, кто там? Кто ищет кадмеек,
на гóру взойдя, по склону взобравшись?
Кто мать наглеца?

Не женщина в муках
рожала его, но дикая львица,
одна из Горгон в ущельях ливийских!»

Пускай заблестит, взойдёт Справедливость
и меч принесёт, чтоб кровью из горла
залился наглец, преступник, безбожник,
рождённый землёй щенок Эхионов!

Он злобным умом и мыслью неправой
твой буйный обряд в честь матери милой⁹⁷
порочит, мой Вакх!

Выходит он в бой, безумствуя сердцем,
бросаясь на непобедимого бога!

Лишь верная смерть смирит богохульство!⁹⁸
Лишь тот, кто живёт, как смертным пристало,
не будет разбит невзгодами жизни!

Не хочется мне быть самой премудрой,
но я за другим величьем охочусь,
за жизнью благой,

вседенной, всенóщной,
за сердцем, навек отвергшим поступки
негодных людей, не знающих бога!

Пускай заблестит, взойдёт Справедливость
и меч принесёт, чтоб кровью из горла
залился наглец, преступник, безбожник,
рождённый землёй щенок Эхионов!

Явись нам как бык, рогатый, могучий!
Нагрять как дракон, свирепый, стоглавый!
Как огненный лев!

О Вакх, подбеги смеющимся зверем,
петлю затяни на шее злодея,
когда он придёт, ловитель вакханок,
и в толпы менад преступно ворвётся!

ВЕСТНИК <ВТОРОЙ>

О дом, ты так расцвёл на благо всей Элладе!
Тут жил сидонский царь, который и посеял⁹⁹
драконий урожай, напитанный землёю!

⁹⁷ Подлинность этой строки подвергается сомнению.

⁹⁸ Эта строка и пять последующих (до слова «благой») плохо сохранились, поэтому смысл восстанавливается приблизительно.

⁹⁹ Эта строка и следующая считаются подложными.

	Как жалко мне тебя! Я только раб, но всё же господская беда терзает слуг примерных! ¹⁰⁰	
Хор	В чём дело? Ты принёс известье от вакханок?	
Вест.	Безжалостно убит Пенфей, сын Эхиона!	1030
Хор	О Бромий-господин! Ты точно бог великий! ¹⁰¹	
Вест.	Ты что же говоришь? Ты, женщина, довольна, что горестной судьбой хозяин мой повержен?	
Хор	Я, гостя чуждых стран, по-варварски ликую и больше не дрожу, страшась оков железных!	1035
Вест.	Смотри, фиванский град не всех мужчин лишился! <Следи за языком, а то зальёшься кровью!> ¹⁰²	
Хор	Мной Дионис повелевает, лишь Дионис, не ваши Фивы! ¹⁰³	
Вест.	Вас можно извинить, но в этот час ужасный вам, женщины, нельзя так бурно веселиться.	1040
Хор	Ты скажи, ты поведай: как умер негодный начинатель негодных, преступных деяний? ¹⁰⁴	
Вест.	Оставив позади фиванские селенья и быстро перейдя Асоповы потоки, мы поднимались вверх по склону Киферона (как преданный слуга, я провожал Пенфея), на зрелище мы шли, а вёл нас чужестранец. Сперва мы залегли в овраге травянистом, стараясь не шептать и не шуршать ногами, нам было видно всё, а нас никто не видел.	1045 1050
	Возник росистый дол в тугом кольце утёсов, глотающий ручьи под сенью пышных сосен, там круг менад сидел за тихим рукодельем. Одни густым плющом перевивали тирсы, которые слегка поникли, пожелтели, другие пели гимн, перекликаясь громко, как стайка жеребят без крапчатых уздечек.	1055
	А бедный наш Пенфей, желая видеть женщин получше, говорит: «Отсюда, чужестранец, не разглядеть менад, безумьем заражённых.	1060
	Вон тянет шею ель над самыми холмами, я на неё взберусь и разгляжу развратниц!» И чудо сотворил наш спутник чужеземный – верх ели ухватив, утопленный в лазури, он гнул его и гнул, до самой чёрной почвы.	1065
	Круглилась ель как лук, растянутый для битвы, как образ колеса, прочерченный струною, ¹⁰⁵ –	

¹⁰⁰ Эта строка повторяется в «Медее» и считается вставкой.

¹⁰¹ Эта строка плохо сохранилась.

¹⁰² Эта строка не сохранилась и добавлена мною.

¹⁰³ «Дионис мной повелевает, один Дионис, а не Фивы!»

¹⁰⁴ Хор находится в таком восторженном нетерпении, что сбивается с ямба на анапест.

¹⁰⁵ Т.е. как окружность, которую чертят при помощи натянутой струны, один конец которой привязан к вбитому в дерево гвоздю, а другой конец ведётся по кругу, сверху вниз.

так этот горный ствол тянул к земле руками
 чужак. Подобный труд нам, смертным, не по силам!
 Пенфея усадив на ветви этой ели, 1070
 он руки разжимал, неспешно, понемногу,
 следя, чтоб господин случайно не сорвался.
 И распрямилась ель, верхушкой в синь упёрлась,
 а на её хребте сидел мой повелитель,
 менадам всем открыт и видя их отчасти. 1075
 Едва он всплыл в лазурь, сидящий на макушке,
 как иноземец наш куда-то испарился
 и кто-то закричал из ясного эфира,
 наверно, Дионис:¹⁰⁶ «Я к вам привёл, подруги,
 того, кто вас, меня и все мои обряды 1080
 насмешкам подвергал! Карайте нечестивца!»
 Пока он говорил, меж небом и землёю
 поднялся белый столп священного пыланья.
 Совсем затих эфир, в долине перестала
 пошёптывать листва, и замолчали звери. 1085
 Вакханки поднялись и стали озираться,
 ещё не уяснив, что говорил им голос.
 Он снова зазвучал. Теперь семейство Кадма
 услышало вполне благие речи Вакха
 и стройно понеслось, не медленней голубок, 1090
 блестя рядами ног в упругом, лёгком беге,¹⁰⁷ —
 Агава, мать царя, и с ней родные сёстры.
 По мощным валунам и по ручьистым долам,
 пылая божеством, запрыгали вакханки.
 Увидев же царя, сидящего на ели, 1095
 они в него сперва булыжники швыряли,
 взобравшись на скалу, стоящую напротив,
 и метили в него еловыми ветвями,
 метали тирсы ввысь, желая сбить Пенфея,
 несчастную мишень, — однако безуспешно. 1100
 Огромной высотой спасён от их усердия,
 бедняга наш сидел, беспомощный, дрожащий,
 а те свалили дуб, и обломали сучья,
 и били каждым в ель, как ломом нежелезным.
 Когда же взяли в толк, что это бесполезно, 1105
 Агава говорит: «Менады! В круг вставайте,
 качайте стебелёк! Сидящего там зверя
 стряхните поскорей, чтоб тайные обряды
 он всем не разгласил!» И сотни рук немедля 1110
 схватили крепко ель — и вырвали из почвы!
 Пенфей вниз головой свергается на землю
 с немалой высоты, без умолку стеная
 и чувствуя вблизи стремительное горе!
 Родная мать его, как правящая жрица,

¹⁰⁶ «Ди́онис, может быть»

¹⁰⁷ Эта строка и следующая считаются подложными.

убийство начала. С волос повязку сбросив, 1115
 он громко заклинал несчастную Агаву
 не убивать его. Щёк матери касаясь,
 он плакал, он молил: «Не надо! Мама! Мама!
 Я сын твой! Это я! Пенфей, сын Эхиона!
 Ах, сжался надо мной! Я ошибался, мама! 1120
 Не убивай меня, ведь я твой сын любимый!»
 Она же, изо рта пуская струи пены,
 кося зрачками глаз, тех слов не понимала,
 рассудка лишена и одержима Вакхом!
 За левую ладонь она схватила сына, 1125
 под рёберную клеть потом ногой упёрлась
 и выдрала плечо – не собственной силой,
 но это бог придал её рукам проворство.
 Ино́ же занялась другою стороною,
 растерзывая плоть, и с нею Автоноя, 1130
 и вся толпа менад! Гора тряслась от крика,
 и бедный царь стenal, и женщины вопили,
 пока он был живым. Та руку тащит, эта –
 обутую ступню. Ободранные рёбра
 белеют и блестят – и, все в крови, вакханки 1135
 друг другу, точно мяч, Пенфеев труп кидают!
 Растащен весь мертвец: кусок – на горном склоне,
 кусок – в густом лесу. Собрать его непросто!
 И получилось так, что голову страдальца
 схватила мать его и тут же насадила 1140
 на тирс, вообразив, что это лев пещерный
 лишился головы! Своих сестёр оставив
 плясать в кругу менад, она по Киферону
 спускается сюда, гордясь добычей страшной,
 подходит ко дворцу и громко кличет Вакха, 1145
 напарника её, помощника в охоте,
 победою своей добывшего ей слёзы!
 Пойду-ка я теперь, пока здесь нет Агавы,
 я не хочу опять увидеть этот ужас.
 Воздержанная жизнь и богопочитанье – 1150
 вот высшие благá! Я думаю, что в этом
 наимудрейший дар и достоянье смертных!

Хор

Давайте плясать и Вакху служить,
 давайте кричать, шуметь, ликовать,
 что сгинул Пенфей, драконий щенок, 1155
 укрывший себя под женский наряд
 и нартекс тугой поднявший, как тирс,
 надёжной тропой ступая в Аид
 под взором быка, зачинщика бед!
 Кадмейский народ, вакханки мои! 1160
 Победная песнь у вас на губах
 слезами течёт, рыданьем звучит!
 Достойнейший труд – родное дитя
 убить, обхватить кровавой рукой!

	Подруги, вижу я, как шествует к воротам, кося безумный глаз, Агава, мать Пенфея. Готовьтесь к торжеству вакхического бога!	1165
АГАВА		
Аг.	Азийские вакханки! Хор Что хочешь ты, подруга? Несу я с гор высоких плющ, срезанный недавно, чтоб мой дворец украсить, отрадную добычу!	1170
Хор	Всё вижу, понимаю! Ты – наша, дорогая!	
Аг.	Я львёночка поймала, сыночка <львицы горной>, ¹⁰⁸ вот этими руками, сетей не расставляя! Смотрите же, смотрите!	1175
Хор	А где? В какой долине?	
Аг.	Наш Киферон высокий... Хор Ты «Киферон» сказала?	
Аг.	...его лишил дыханья!	
Хор	А зверя кто ударил? Аг. Я первая! За это зовусь я в хороводах счастливою Агавой!	1180
Хор	И кто же был с тобою? Аг. Рождённые от Кадма...	
Хор	От Кадма, говоришь ты? Аг. ...мои родные сёстры! За мной, за мной на зверя они гурьбой помчались! Прекрасная охота!	
Аг.	На пиршество идите! Хор Куда идти, бедняжка? Такой телёнок мягкий!	1185
	Раздался нежным цветом пушистый подбородок под шлемом завитушек!	
Хор	Да, правда! Что за грива! То зверь, живущий в поле!	
Аг.	Великий Вакх-охотник, наш гордый предводитель, премудростью своею толпу менад направил, и мы забили зверя!	1190
Хор	Наш вождь – великий ловчий!	
Аг.	Я славно поступила? Хор Конечно! Молодчина!	
Аг.	Увидят все кадмейцы...	
Хор	И твой Пенфей любимый! Аг. Он мать свою похвалит за то, что я убила ребёнка львицы злобной!	1195
Хор	Чудесную добычу! Аг. И взятую чудесно!	
Хор	Ты рада? Аг. Я ликую! Я подвиг совершила, невероятный подвиг, великий-превеликий, сегодня на охоте!	
Хор	Несчастливая моя, ты покажи всем людям, какой ты принесла трофей победоносный!	1200
Аг.	Эй, доблестный народ, защитник стройных башен и обитатель Фив! Смотри, что за добыча забита дочерьми, рождёнными от Кадма! Не дротики с ремнём, орудье фессалийцев,	1205

¹⁰⁸ Текст, заключённый в треугольные скобки, не сохранился и добавлен мною.

	свершили это всё, и не тугие сети, но пальцы наших рук, белеющих локтями! Зачем у мастеров заказывать нам копья? Зачем нам их метать? На части разорвали мы зверя просто так, вот этими руками!	1210
	Где мой старик отец? Пускай придёт скорее! А где Пенфей, мой сын? Пусть лестницу прихватит, да только подлинней, взберётся по ступенькам со львиной головой, охотничьим трофеем, и там её гвоздём к тригліфам ¹⁰⁹ приколотит!	1215
Кадм	Эй, следуйте за мной! Пенфея выносите, ваш безотрадный груз! Идите, слуги, к дому! Все горы исходив, теперь несу я внука, которого нашёл в долинах киферонских и по кускам собрал! Везде он находился, во всём глухом лесу, а не в одном лишь месте! О милых дочерях, о страшном их поступке услышал я рассказ, когда мы в этот город с Тиресием седым вернулись от вакханок. ¹¹⁰	1220
	На гору я пошёл – и вот несу оттуда труп внука моего, попавшего к менадам. Я видел там Инó, а также Автоною, которой Актеон рождён от Аристея. Страдалицы кричат и прыгают по роще, Агава же сюда вакхической стопою, пошла, мне говорят. Правдивы эти слухи!	1225
Аг.	Я вижу дочь мою! Но я не рад нисколько! Любимый мой отец! Пора тебе гордиться своими дочерьми, затмившими всех смертных! Мы все так велики! Но я – достигла неба!	1230
	Прочь кросна, челноки! Дана мне волей бога возвышеннее цель – зверей ловить руками! Смотри-ка! Я держу, как сам ты ясно видишь, победный мой трофей, и мы его повесим на доме! Да, отец! Возьми добычу в руки, возвеселись душой, гордись моим уловом, зови друзей на пир! Ты в нас обрёл блаженство!	1235
	Блаженство, мой отец! Мы подвиг совершили! Какая в сердце скорбь! Невидимое горе! ¹¹¹ Усильем жалких рук свершённое убийство! Ты потчуешь богов такой прекрасной жертвой, меня зовёшь на пир, и приглашаешь Фивы!	1240
Кадм	Как будешь ты страдать, и я с тобою вместе! Нас Бромий покарал за дело, но чрезмерно,	1245

¹⁰⁹ Тригліф – повторяющийся декоративный элемент дорического фриза: прямоугольная плитка, разделенная бороздками на три вертикальных части.

¹¹⁰ Кадм и Тиресий отправились вместе с другой группой вакханок совершать обряды, поэтому во всё время действия пьесы их не было в городе. Они узнали об убийстве Пенфея, когда возвращались домой.

¹¹¹ Эта строка и следующая считаются подложными.

Аг.	хотя он был рождён вот в этом самом доме!	1250
Аг.	Как старость у людей брюзглива и плюгава!	
	Глаза их так мутны! Эх, стал бы мой сыночек	
	охотником лихим, пошёл бы с мамой в горы,	
	ловил бы там зверей с фиванцами-друзьями!	
	Но нет! Куда ему! Бодается он с богом!	1255
	Отец, пойдй к нему! Поговори с ребёнком!	
	Кто вызовет его, чтоб он полюбовался,	
	сыночек мой родной, победой материнской?	
Кадм	Ах, горькая беда! Когда бы вы постигли	
	плоды своих же дел, как стали бы вы плакать!	1260
	Но, люди, вы всегда собою остаётесь,	
	навек лишены и счастья, и несчастья!	
Аг.	Ну что ты помрачнел? Ты чем-то недоволен?	
Кадм	Сначала посмотри на небо голубое.	
Аг.	Пожалуйста, смотрю! Что нужно там увидеть?	1265
Кадм	По-твоему, оно никак не изменилось?	
Аг.	Оно теперь светлей. Наверное, прозрачней.	
Кадм	Ну а твоя душа? Трепещет, как и прежде?	
Аг.	Ты странно говоришь. Я будто просыпаюсь,	
	из головы моей поразбежались мысли.	1270
Кадм	Послушаешь меня? Ответишь мне разумно?	
Аг.	Забыла я, отец, про что мы говорили.	
Кадм	В чей дом явилась ты под пенье гименеев?	
Аг.	Ты вроде выдал дочь за спарта Эхиона.	
Кадм	Кого ты родила для мужа в этом доме?	1275
Аг.	Пенфея. Мой супруг – его родитель кровный.	
Кадм	Чья это голова, которую ты держишь?	
Аг.	А это горный лев, охотницы сказали!	
Кадм	Ещё раз посмотри! Для глаз мала работа!	
Аг.	Ой, что же я держу? Чего же я касаюсь?	1280
Кадм	Внимательно гляди, с глубоким постижением!	
Аг.	Смотрю в глаза беды! Как плохо мне, как тошно!	
Кадм	Ну разве это лев? Ты вправду так считаешь?	
Аг.	Я, бедная, гляжу на голову Пенфея!	
Кадм	Оплаканного мной до твоего признанья!	1285
Аг.	Но кто его убил? Как он попал мне в руки?	
Кадм	Да, правда, ты горька! И поздно ты приходишь!	
Аг.	Немедленно ответь! Иначе лопнет сердце!	
Кадм	Погублен он тобой и сёстрами твоими.	
Аг.	Но где же он погиб? Неужто в нашем доме?	1290
Кадм	На той горе, где псы сожрали Актеона.	
Аг.	Зачем на Киферон поднялся мой сыночек?	
Кадм	Позорить божество и тайну вакханалий!	
Аг.	А почему и мы на склоне оказались?	
Кадм	Вы были не в себе. Взбесились, как весь город.	1295
Аг.	Теперь я поняла! Мы жертвы Диониса! ¹¹²	
Кадм	На вас обижен бог, что вы его не чтили.	

¹¹² «Нас погубил Дионис.»

Аг.	А тело где, отец? Где мой сыночек любимый?	
Кадм	Его мы принесли, найдя с трудом немалым.	
Аг.	Всё собрано, скажи? Вы все сложили части?	1300
<Кадм	Нет, милая моя. Всё смешано ужасно.	
Аг.	Нам надо всё собрать! Не медля ни минуты!	
Кадм	Конечно, соберём. И вымоем водою. ¹¹³	
Аг.	Насколько же Пенфей делил моё безумье?	
Кадм	Он стал подобен вам, не почитая бога, и бог спаял всех нас единственным несчастьем, и вас, и вот его, чтоб дом наш уничтожить, да и меня, ведь я, без сыновей оставшись,	1305
	гляжу, бедняжка дочь, как плод родного чрева упал в такой позор, погиб так безобразно! Возлюбленный мой внук! Сын дочери любимой! Тобой прозрел наш дом, и ты держал нас вместе!	
	Ты город устрашал! Никто мои седины не думал оскорблять, имея пред глазами великий облик твой, боясь достойной кары! Потеряна вся честь! Я скоро изгнан буду, великолепный Кадм, посеявший фиванцев, как дивный урожай, в распаханную землю!	1310
	Отрада глаз моих! Пускай теперь ты мёртвый, но я тебя люблю, мой внук великолепный! Ты к бороде моей уже не прикоснёшься, мой мальчик дорогой, и не обнимешь деда, не скажешь: «Мой родной! Кто здесь тебя тревожит? Кто оскорбил тебя? Кто сердце опечалил?	1315
	Ты, дедушка, скажи! Я проучу злодея!» Теперь несчастен я, и ты страданье принял, и мать убита злом, и весь наш род загублен!	
	И если кто-то есть, кто презирает небо, пусть, видя эту смерть, богов зауважает!	1320
Хор	Я сожалею, Кадм! Но внук твой эту кару сам вызвал на себя, а ты теперь страдаешь!	
Аг.	Отец, ты видишь сам, как жизнь переменилась, ¹¹⁴ как я превращена из радостной менады	1325

¹¹³ Текст, заключённый в треугольные скобки, не сохранился и добавлен мною.

¹¹⁴ На этом месте в рукописи большая лакуна. Утрата текста произошла после IX века. Количество утерянных строк точно неизвестно, их примерно от пятидесяти до ста. Однако мы располагаем достаточным материалом, чтобы попытаться восстановить пропавший текст. На русском языке это делается впервые. В анонимном античном вступлении к «Вакханкам» говорится, что «Дионис, появившись <...>, обратился ко всем и разъяснил, что случится с каждым на деле, а не на словах, чтобы (впоследствии) какой-нибудь посторонний не презирал его, считая человеком» (здесь и далее цитаты в моём переводе). Греческий ритор Апсин из Гадары, преподававший своё искусство в Афинах около 235 года н.э., пишет следующее, объясняя, как нужно вызывать в слушателях жалость (Диггл III, 352): «У Еврипида мать Пенфея, Агава, освободившись от безумия и узнав собственного сына, разорванного на части, обвиняет себя и вызывает сострадание. ... Еврипид применил следующий способ, желая вызвать жалость к Пенфею: мать, беря в руки каждую из частей его тела, плачет сообразно с каждой из них.» Между IX и XIII вв. византийский автор (Псевдо-Григорий) сочинил длинную религиозную драму под названием «Христос страждущий» (Χριστός πάσχων, Christus patiens), щедро заимствуя строки из находящейся у него полной копии «Вакханок» и, видимо, слегка

в измученную мать, рыдающую горько,
 несчастлива я теперь, а ведь была счастливой!
 И что же делать мне? Как я смогу постигнуть
 злодейство рук моих? Как пережить всё это?
 Сыночек дорогой, несчастный мой ребёнок,
 растерзанный толпой взбесившихся вакханок!
 *Они тебе, сынок, не вырыли могилу!
 Как с дерева тебя спускала я на землю?
 Куда тебя мне класть, в какой закрыть гробнице?
 Как тело завернуть? Какой мне выбрать пеплос?*

 Как больно, боже мой! Всё сердце плещет болью,
 она меня трясёт и сдавливает горло,
 *чтоб я из тьмы души мелодию исторгла,
 целуя этот плод, моей рукой взращённый!*

 Но как же целовать? Он весь в еловых иглах
 и глиною покрыт, и заскорузлой кровью!
 *И как его прижать к моей груди несчастной,
 как плакать по нему? Какую петь молитву?*

 Узнать я не могу любимого сыночка
 в смешении костей, и синих вен, и мяса!
 Но вместе я сложу возлюбленное тело,
 ему я возвращу подобье жалкой жизни,
 скажу, что он заснул под алым покрывалом!
 Мы встретимся опять, *хоть это для умерших
 не может послужить счастливым утешеньем!*

 Страдалица моя! Не надо так метаться!
 Не первая ты мать, утратившая сына!

 *Давай, старик отец, мы голову приладим,
 блаженную втройне! Выносливое тело
 обратно соберём! Приложим все старанья!
 Любимое лицо! И щёки молодые!
 Я голову твою накрою покрывалом,
 а тело, всё в крови, в глубоких рвах царепин,
 израненное сплошь, одену в новый пеплос!*

 Родимое лицо, ты нам не улыбнёшься
 и губ не разожмёшь, кровавых, бледно-синих!
 Ты что-нибудь скажи, молю тебя, сыночек!
 Пожалуйста, скажи, что ты меня прощаешь
 и маму подождёшь за неизбежной дверью!
 Вы, руки белые, наполненные силой,
 вам больше не обнять родную вашу маму!

Хор

Аг.

изменяя их в соответствии с новой, христианской темой. Материал утраченной сцены, изъятый из этой византийской драмы, приводится в оксфордском собрании сочинений Еврипида (Диггл III, 354-5). Более того, сохранились два небольших частичных папирусных фрагмента, которые восстановил Эрик Доддс (Euripides. Bacchae. Ed. E.R. Dodds. London: Clarendon Press, 1963. 243), и четыре цитаты из античных авторов (Диггл III, 352, 356). Весь вышеупомянутый материал включён в мою версию утраченного текста и помечен звёздочками (*) в начале и конце каждого фрагмента. Восстановленный отрывок заключён в треугольные скобки (< >). Никак не помеченный текст внутри этих скобок принадлежит мне.

Я верила всегда, что вы меня сведёте,
 когда наступит срок, в безмолвную гробницу!
 Вы, ноги крепкие, как вы легко ходили
 по нашему дворцу! Но вы не отведёте
 на пристань мать свою, где ожидает лодка,
 пропахшая смолой глухого подземелья!
 Сыночек мой родной, внутри меня ты бился,
 и наполнился душой, и отвечал толчками
 на ряд мужских имён, а я их повторяла,
 искала для тебя прекраснейшее имя –
 и вот нашла, нашла! Зачем же я внимала
 пленительным словам безумного бродяги!
 Зачем я подняла руками эту пакость,
 вот этот грязный тирс! Какой теперь он хрупкий!
 И можно ли сказать, что он совсем недавно
 кромсал и убивал? Как можно так забыться,
 чтоб сына не узнать? Я чудище! Я мерзость!
 Ни львица с диких гор, ни злобная волчица,
 ни гидра из пруда, клубок узлов поганных,
 не станут раздирать своих детей на части!
 А я ведь человек! Не гидра, не гиена!
 Куда меня несло? Нет-нет! Не постигаю!
 Так бог меня смутил, и умертвил мой разум,
 и в голову налил тягучего дурмана,
 бессовестный чужак... Хор Молчи, молчи, Агава!
 Не проклинай богов! Аг. ...желающий насилья
 и пьющий кровь детей! Хор Не навлекай проклятье
 на этот славный дом, уже и так несчастный!
 Аг. Ему-то всё равно, кто верит, кто не верит!
 Он всех людей разит, калечит, убивает!
 Ах, если б я могла себя порвать на части,
 с ребёнком дорогим в одно смешаться тело!
 Хор Приди в себя, безумная!¹¹⁵
 Аг. Почему мои руки такие слабые, почему?
 Хор Остановись, опомнись!
 Аг. Только волосы, только волосы могут они выдирать!
 Вся сила ушла, ушла!
 Дионис, ты на всё способен! Ты превращал меня
 в зверя кровожадного, так преврати в мужчину
 хоть на мгновенье! Чтоб я самой себе скрутила шею!
 Отец, дай меч, прошу тебя! Дай что-нибудь,
 любое оружие, хотя бы верёвку! Отец!
 Я не могу терпеть эту боль, не могу!
 Хор Кадам, сделай что-нибудь! Она убьёт себя!
 Лишился внука ты. Хотя бы дочь спаси!
 Кадам Агава, успокойся. Перестань рыдать.

¹¹⁵ Этот отрывок, состоящий из пятнадцати строк, написан без размера, в подражание финалу «Ифигении в Авлиде», который может принадлежать Еврипиду, хотя это и оспаривается. В обоих отрывках напряжение достигает такого предела, что герои больше не в состоянии выдерживать ямб и временно переходят на ритмическую прозу.

Отца погубишь. Я уже едва держусь.
 Аг. Отец мой дорогой! Что делать? Посоветуй!
 Каadm Терпеть, как я терплю. Все смертные страдают.
 Не лучшая судьба нам от богов досталась.
 Аг. Но мне никак нельзя перенести такое!
 Я всё уже *взяла*. Мне больше не по силам.
 Каadm Не отягчай беду ещё одной бедою.
 Ты всё же дочь моя. Держи себя достойно
 и не позорь отца, который был героем,
 и Фивы основал, и разрубил дракона!
 Хор Старик, ты молодец! И говоришь прекрасно!
 Пускай придёт в себя! Не уважают боги
 ни слишком долгих слёз, ни лишнего веселья!
 Каadm Наказан был Пенфей. Мы – смертные, не больше.
 Нет права у людей судить богов могучих,
 и нам дары богов даются так, что можно
 их сразу потерять, нарушив благочестье.
 Я раньше был царём, имел такого внука!
 И вот, всего лишён. Конечно, по заслугам.
 Я с участью своей навеки примирился,
 *когда Пенфеев труп, растерзанный, багровый,
 сюда любовно нёс. Пойми, как я страдаю.
 Пусть каждый человек, увидев нас, постигнет,
 что Дионис рождён самим великим Зевсом!*¹¹⁶
 Хор А вот и Дионис!¹¹⁷ Он проступает в небе,
 над крышею дворца! Молчите и внимайте!
 Дион. Ты вовремя, старик, смирил свою Агаву,
 иначе бы она так тяжело пострадала,
 что нынешняя скорбь ей счастьем бы казалась!
 Не терпит божество, когда его ругают,
 и редко на земле стареет богохульник.
 Меня ты не почтил, фиванский славный город,
 не захотел принять родного сына Зевса,
 за это всё кнутом верховного возмездья
 сегодня ты почтён и карой справедливой.
 Хоть многие из вас мне сразу поклонились,
 я всё же не забыл, как вы меня честили,
 *как сплетничали вы, кощунственно и лживо,
 что мой родной отец – какой-то проходимец,
 а я не потерпел такие оскорбления!*
 Отец мой, высший бог, был милосерден с вами,
 не мне его судить за эту благосклонность.
 Он ваш бесспорный бог, хотя вы совершили
 ужасные дела, его родного сына
 в темницу заточив! Какой венец нечестья!
 Теперь я предреку, что́ всех вас ожидает,
 в правдивости моей не стоит сомневаться!

¹¹⁶ «что Зевсом порождён божественный Дионис.»

¹¹⁷ «Дионис к вам пришёл!»

Ваш город возрастет и облечется славой,
но не дано ему главенствовать в Элладе,
он будет разорён, познает он упадок
за то, что не признал вакхического бога!
Я вашего царя уже столкнул в погибель,
а ты послушай, Кадм! И ты, Агава, слушай!
*Он теми был казнён, кто был ему всех ближе,
избит, и оскорблён, и путами обвязан.
Так поступил народ, извечно им любимый,
так злобно был убит любезный благодетель,
однако он страдал не вовсе неохотно.
Не скрою я тех бед, что ваш народ раздавят,
и я не умолчу о будущих несчастьях.
Родной покинув дом, он станет поневоле
меж варваров рабом и беженцем бесправным.
Его погонит бог по варварским пределам,
тревожа и копьём, и горем бесконечным.
Всеобщий наш отец принудит всех злодеев
забыть свою страну и заплатить за скверну
тому, кто был убит их яростной рукою,
им больше не видать своей отчизны милой,
нельзя убийцам быть в одной стране с убитым!
Рассеется народ по многим государствам,
влача ярмо рабов, отверженных созданий!*

А стонущая мать, родившая Пенфея,
пускай уходит прочь, в далёкое изгнание,
ей больше не видать родных фиванских башен,
блистающих огнём живительного солнца!
Сегодня свершено ужасное злодейство –
убила сына мать, охвачена безумьем!
Растерзанный толпой, среди камней он умер,
по глупости своей придя в глухую чашу.
Убившая должна покинуть этот город,
забрав своих сестёр, пособниц преступления!
*Тот жалкий человек, чей труп ты обнимаешь,
Агава, захотел священным вашим пляскам
препятствие создать! Но был Пенфей* бессилен
обряды прекратить *нечестием* бесстыдным!
Пусть каждый человек, *боящийся увидеть
возвратный свет* лучей, струящихся от бога,
о будущем своём серьёзно поразмыслит!
И ты послушай, Кадм, когда-то величавый!
Ты сам передо мной ни в чём не провинился,
но ты – глава семьи, настолько полной скверны,
что нужно и тебе подвергнуться бесчестию.
Твой милый внук, Пенфей, нанёс мне оскорбленье
и наглостью своей себя же уничтожил,
когда на божество оружием замахнулся!
Ты знаешь сам, старик, что это не простится,

	ты должен заплатить за преступление внука, ¹¹⁸	
	приняв змеиный вид. Змеёю также станет	1330
	Гармония ¹¹⁹ твоя, дочь славного Ареса,	
	с которой венчан ты, хотя ты просто смертный.	
	На колеснице вы, быками запряжённой,	
	как Зевс установил, поедете сражаться	
	и варварскую рать вести по всей Элладе.	1335
	Разрушив города и Локсиев оракул, ¹²⁰	
	бойцы домой пойдут, но путь их будет горьким.	
	Арес тебя спасёт с Гармонией твоею	
	и в край переселит бессмертный и блаженный.	
	Я это говорю, сын пламенного Зевса,	1340
	не смертного отца, сам Дионис великий! ¹²¹	
	Вы не хотели жить счастливо и разумно,	
	союзником своим считая сына Зевса!	
Кадм	Прости нас, Дионис! ¹²² Тебя мы оскорбили!	
Дион.	Познали вы меня, но только слишком поздно!	1345
Кадм	Мы это признаём, но ты жесток не в меру!	
Дион.	Я бог, а вы со мной так нагло поступили!	
Кадм	Но боги не должны, как смертные, сердиться!	
Дион.	Отец мой, славный Зевс, поступок мой одобрил!	
Кадм	Ай-ай! Ну всё, старик! Теперь тоска изгнания!	1350
Дион.	Что медлите вы тут? Судьбы не избежите!	
Кадм	Да, доченька моя! Всех нас беда постигла,	
	<и внука> ¹²³ , и тебя, и всех сестёр любимых,	
	и бедного меня! Пойду я в край далёкий	
	бесправным стариком! И мне ещё велели	1355
	в Элладу напустить смесь варварских отрядов!	
	Гармонию мою, дочь славного Ареса,	
	я в облике змеи, сам змеем обращённый,	
	в Элладу приведу, сметая жалом копий	
	гробницы, алтари! Несчастный, не закончу	1360
	вовсе я страдать, и Ахерон, текущий	
	в подземные края, меня не успокоит!	
Аг.	Прощай, родной отец! Я уйду в изгнание!	
Кадм	Лебёдушка моя! Зачем ты обнимаешь	
	никчёмного отца, как лебедя седого?	1365
Аг.	Куда же мне пойти, утратив край родимый?	
Кадм	Не знаю! Твой отец – плохой советчик, дочка!	
Аг.	Край родимый! Мой город любимый!	
	Всё, прощайте! К мучительной жизни	
	уйду я из дома!	1370

¹¹⁸ Здесь восстановленный отрывок заканчивается.

¹¹⁹ Гармония (Ἀρμονία) – дочь Ареса и Афродиты, богиня согласия, олицетворение счастливого брака. Была женой Кадма.

¹²⁰ Дельфы, где находился знаменитый оракул Аполлона. Локсий (Λοξίας), т.е. «Извилистый», «Запутанный (в своих вещаниях)» – культовое имя Аполлона.

¹²¹ «не смертного отца, божественный Дионис!»

¹²² «Дионис, не сердись!»

¹²³ Часть строки не сохранилась и добавлена мною.

Кадм	До свиданья, дитя! Аристея <ты разделишь судьбу на чужбине!> ¹²⁴	
Аг.	Ах, отец мой! Кадм Ах, бедная дочка! И по сёстрам твоим я рыдаю!	
Аг.	Вот какой отвратительной пыткой Дионис-повелитель ¹²⁵	1375
Дион.	весь твой дом злополучный карает! Я ведь тоже от вас натерпелся, не найдя почитания в Фивах!	
Аг.	До свиданья, отец! Кадм Что ж, удачи, хоть удачи тебе не увидеть!	1380
Аг.	Эй, подруги! Скажите, где сёстры? Поведу я страдалиц в изгнание! Я отправлюсь на новое место, где нечистого нет Киферона, ¹²⁶ где меня он вовек не увидит, не напомнит мне тирсом о горе! Пусть другие там пляшут вакханки!	1385
Хор	Много в мире обличий божественных, много делают боги нежданно, ожидаемое не исполнилось, бог же выбрал дорогу к неожиданному, и на этом всё дело закончилось. ¹²⁷	1390

Брисбен, 29.08.2010–2.05.2011

Полная переработка: Брисбен, 27.02–31.03.2020

Шлифовка текста: 22.01–02.02.2022; июнь 2022; декабрь 2022; февраль 2025; 09.2026.

¹²⁴ Эта строка не сохранилась и добавлена мною. Существует несколько предположений о том, что здесь говорит Кадм (см. перечень Сифорда, с. 256). Аристей (Ἀρισταῖος) – вероятно, сын Аполлона. Был женат на дочери Кадма, Автоное. У них родился сын Актеон, погубленный Артемидой. После гибели сына Аристей покинул Фивы.

¹²⁵ «повелитель Ди́онис»

¹²⁶ Эта строка полностью не сохранилась, поэтому мысль Агавы восстанавливается приблизительно.

¹²⁷ Эта концовка, написанная анапестом, также завершает четыре другие пьесы Еврипида: «Медею», «Елену», «Алкесту» и «Андромаху» (во всех четырёх вариантах первая строка другая). Отношение к этой концовке колеблется от молчаливого принятия до категорического отрицания. Только в «Алкесте» она имеет прямое отношение к действию, во всех же других случаях кажется притянутой, выражая общую идею о том, что не всегда всё получается так, как можно предугадать, и божественное провидение может вмешаться в дела людей. Если не будут найдены соответствующие рукописные свидетельства, то так и останется неизвестным, имеется ли эта концовка в других пьесах Еврипида. Неизвестно также, сам ли автор прикрепил её к пяти пьесам или же это сделал кто-то другой. Мне кажется, что эти строки всё-таки отражают общую идею тщетности человеческих действий, а также всеисильности, непознаваемости провидения, что имеет отношение, пусть и общее, ко всем пяти пьесам, поэтому я не исключаю возможности того, что все пять концовок принадлежат Еврипиду.